

Словно огромная сочная дыня, солнце висит над головой. На камнях густые и черные, как кровь, наши тени, тени наших творений. За забором мычит голодный бычок. По двору, тревожно озираясь, бегает, словно утка, в цветастом сатиновом халате хозяйка, жена Георгия. И сотворил Бог женщину, и побежала она по двору домнула Георгию с полотенцем. И будет бегать вечно, куда не разрядилась батарейка.

Теперь мой черёд. Я должен сделать выбор. Но я уже слегка охмелел и мне всё хорошо.

Мне хорошо, двор оплетён нитями судьбы, которые привязали меня ко двору домнула Георгию. Всё, что придумано не мной, свято. И вкусно. И всё замечательно. И я делаю свой выбор в пользу первой баклажки.

Теперь надо затанцевать здесь, застыть, раствориться в тени виноградной, в этой тёплой купели домашнего деревенского, очень простого, где всё понятно, быта. В этих запахах солнца, нагретой плитки, цветов, уток, коровы, навоза.

Жить значит пить!

На прощание мы выпиваем с домнулом Георгием ещё пару чарок доброй Изабеллы, и я слегка, а может даже уже и не слегка, пошатываясь, возвращаюсь в Долну, счастливый, как Пушкин, написавший «Цыган».

ТАТЬЯНА НЕКРАСОВА

Кишинёв

МАКА БАБОЧКА ПОРХАЕТ

ЖАРКОЕ

какие там облака, господи, ах, какие..! –
сфинксы, грифоны, гарпии, крылья подняв тугие,
лежат на холмах, ловят лениво ветер,
на глазах превращаясь в зайцев, лисиц, медведей.

и ты на холме стоишь, плависься и сгораешь
все-то ветра твои – предвосхищение края
сухо и на траве пыли тусклая позолота
на глазах превращается в искру и гром и воду

ДАЧНОЕ

приметы времени и места
и что там было неизвестно
и что там дальше не сказать
любовь не про мужчин и женщин
не про живых не про ушедших
а способ жить во все глаза

и жизнь твоя земля вот эта
и низким солнцем смерть согрета
и между ними свет как мёд
едва струится жуть лхая
и мака бабочка порхает
а всё никак не упорхнёт

СИНЕМА

облако прогорело, к ночи погасло, но
сквозь прожжённые дыры потусторонний свет
видится ясно, и долгая тьма слоном
тихо ступает, в летней густой листве
неразличима – пятна и пятна, но
кадр за кадром – вот же иная жизнь:
искрами звёзд прожжённое полотно,
кино, тени и миражи –
вдруг показали то, что назвать бы сном,
да реальность позвякивает сверчком,
постукивает веткой, попахивает весной,
а ты перед ней ничком.

ПАТЕТИЧЕСКОЕ

а жизнь – то месиво, то крошево
всего плохого и хорошего,
там подсласти, а тут присаливай –
в инструкции всё расписали бы,
но нет, чёрт побери, инструкции,
лишь опыты чужие куцые,
а счастье личное-приличное –
как состоянье пограничное,
когда ни есть, ни пить не хочется,
а только быть от одиночества
и жить, и жить, и пить шампанское
под свисты ветра хулиганские

НАСТОЯЩЕЕ

это было недавно и было давно
это каждому было с рожденья дано
постучал – распахнулась заветная дверь
и за нею весь мир
а теперь – что теперь?

что осталось в тебе от того божества
для которого вмиг распускалась листва
проливались дожди полыхали цветы
выходили слова за предел немоты

и трепещешь листом на вселенском ветру
и пеняешь – кому? – неужели умру
так не вспомнив за что и зачем и кому
выдыхать благодарное в жаркую тьму

ЧУТЬ ПАФОСНОЕ

музыка смертна — на время как мы, как все,
но прорастает снова и снова в каждом
сорной травой в ливневой полосе,
райской яблоней, облачной птицей, морским барашком

сколько в тебе музыки — на минуту? две?
до холодов, до осени старых мелодий хватит? —
соловьём заливаясь в кроне, сверчком стрекотать в траве,
горло драть на заборе, командовать войском в шестой палате

когда вдруг устанешь, эхо ещё звучит
в тех, кто тебя, перевирая, помнит,
а музыка умерла, но пробьются её ключи
в новорождённом — понть родовые корни

ПОКА

я рано или поздно научусь
чему-нибудь полезному, что кормит
и поит, но не притупляет чувств —
иных материй усики и корни

пока же — полдень, света озерцо
дрожит в ладонях с частотою пульса,
и клонится тяжёлое лицо
к нему сухим подсолнухом июльским

и оплетает дикий виноград
сухую вишню тенью и прохладой,
и гусеничке страшно умирать
рождённой ползать, воскресать крылатой

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

почти касаясь крышами друг друга,
росли, косили окнами, ветшали,
переживали соловьёв и ругань,
обменивались нужными вещами,

жильцами, тараканами, сиренью,
теплом и ржавчиной в чугунных венах,
дышали летом в форточки вареньем,
зимой — картошкой жареной и хреном,

и выпадали как-то незаметно
из окруженья — были и не стало —
освобождая солнечное место
стеклу и стали

САМОЗАБВЕННОЕ

любовь – не про мужчин и женщин,
не про кольцо разлук и встреч,
а про живых и сумасшедших,
и никого не убережь –

когда, прекрасны и ужасны,
расплёскивая свет и жар,
легко взрываются и гаснут,
и этого не избежать –

отгородиться нечем, нечем,
и смерть ясна, и жизнь тесна.
а свет – он длится, безупречен,
и снова образует нас.

СОВЕРШЕННО А

шипящей волною прилива
затоplen по горло уже,
и море, как тёплое пиво,
горчит и течёт из ушей

а времени – бездна:
за что-то
присмертным и полуживым
достаточно соли и йода
на всякие раны и швы

смотри, оклемался – и даже
нащупал рапана на дне,
и, кажется, можно и дальше,
и дольше
а можно и не

ТЕРПЕНИЕ

женщина завязана узлом.
не сказать, что ей не повезло,
не сказать, что ей невыносимо,
просто что-то – ни добро, ни зло –
сквозь неё наружу проросло,
тянет, ноет, отнимает силы.

и пока его не разглядеть,
не представить, как оно – в беде,
в радости, в живом недоуменье,
кажется, что это навсегда:
и недоуменье, и беда
нервы плечи локти лоб колени

ПОКА НЕ ПЕРЕСТАНУ БЫТЬ

стоять в упругих струях сквозняка,
как рыбина в течении придонном,
в чужом воображенье возникать
негаданно, неожиданно, отрешённо,

все связи до азов упрощены
и времени течение умолимо,
и между нами толща тишины,
а кажется — дыхание залива,

и нет в нём лишних порохов земных,
а только гул прилива терпеливый.
песчаные редуты снесены,
и отступление — удел счастливых.

СОВСЕМ ОСЕНЬ

это всё не про нас, почему-то опять не о нас,
если даже весна, на глазах проседающий наст —
или с нами — но так, что не ясно опять ни черта,
и пучок на пятак всех чудес — мимо рук, мимо рта:

это лист золотой, паутина, бессонный комар,
и молочный орех, и плывущие в дымке дома,
лошадь в белом пальто — и в минуту сводящий с ума
человек — чебурек, масло по подбородку, дырявый карман —

потому что мы есть, но так редко сейчас или здесь,
что не видим чудес — а их поле, и речка, и лес,
и сквозь всё это светится что-то с изнанки, со дна —
не сейчас и не здесь, а всегда, и везде, и о нас.

ПОБОЧНОЕ

на дорогу долгую нанизаны
путников тускнеющие бусины,
и порхают горlinkами сизыми
между ними истины изустные.

кто их, пересчитывая, двигает?
что над каждой шепчет озабоченно?
рвётся нить — досада невеликая,
да ищи-свищи их по обочинам.

снова соберутся ли со временем
в четки бусы игровые камешки
нет дороге жизни повторения
так с дырой сквозною и останешься

РЕЧЁВКА

не так уж много в трудный час
простых да горьких
простых да горьких
и пусть останутся от нас
хвосты да корки
хвосты да корки

но мы стоим но мы горчим
не прокисаем
не прокисаем
и жизни нет иных причин
рецепт для женщин и мужчин
универсален

ТАТЬЯНА ВОЛОШИНА-ОРЛОВА

Кишинёв

*Рассказы из цикла «Времена блюд»***ЖАРЕННЫЙ АВГУСТ**

«Она уехала. Пе-ре-еха-ла. Переехала душу дочь».

Когда Лора пришла домой и принялась готовить ужин, эта мысль, как булавка, не давала разгладиться складке между бровями. Сегодня она купила перцы. Обычно они готовили их вместе. Кто-то жарил, а кто-то чистил. Вместе варили помидорно-луковую подливу, раскладывали перцы по тарелке, а потом сразу съедали. Перцы даже не успевали остывать.

Выгрузив мешок с перцами в мойку, Лора вытерла руку и, выудив засаленный пульт из-под вороха газет, включила телевизор. Пусть лучше бубнит вместо мыслей. Жарко. По телевизору говорили о лесных пожарах, о том, что горят торфяные болота, леса и поля.

Что-то странное для августа. На работе тоже одни разговоры о всяких аномалиях да о концах света. Сколько их уже было, концов этих? Все болтают, вот и по телевизору тоже, а потом, как ни в чём не бывало, расходятся по домам, думают о недоделанных отчётах, премиях, варят компоты и жарят перцы. А от неё уехала дочь. Да пусть бы уезжала! – Лора включила воду и принялась тереть специальной «овощной» губкой перцы. – Только красиво, достойно, а не как вор, пока никого дома нет. Спасибо, хоть деньги не тронула. Отношения с дочерью не заладились с детства. Ива считала, что мать давит, заставляет делать совершенно невозможные вещи. Но что такого невыносимого она заставляла её делать? Помочь приготовить ужин? Убрать в доме? Предупредить, что поздно вернётся? Улыбнуться и пожелать доброго утра матери, вместо того, чтобы хмуро проходить мимо. Сложный, строптивый и неласковый ребенок. Соседский Паша и то повнимательнее – очень воспитанный мальчик: и двери в подъезд предусмотрительно откроет, и сумки донесёт, и справится о самочувствии. А дочь у неё другая, равнодушная.

Даже на улице было жарко. Особенно во дворах. Из окон потянуло чем-то вкусным. «Чувствуешь, перцы жарят?». Ивина слегка кивнула своей приятельнице и жестом попросила остановиться, перевести дух. Пахло августом. Он жарился на раскалённом асфальте, под крышами бетонных домов. Лопался чьим-то терпением, сопел, пыхтел в панельных и котельцовых кастрюлях. Где-то уютно звенели столовыми приборами. Ивина подняла голову и словно увидела за занавесками в жёлтый горошек маму. Ей даже почудился её сверлящий высокий голос:

– Ива, я пожарила перцы. Почисть их.